

Памяти учителя

из книги "Памяти академика М. А. Мензбира"

А. Ф. Котс

Памяти учителя: из книги "Памяти академика М. А. Мензбира"

А. Ф. Котс

Содержание

Памяти учителя	1
А. Подготовка электронного издания	9

Список рисунков

1. М. А. Мензбир в разную пору жизни	2
--	---

Памяти учителя

Стараясь охватить идейный подвиг и духовный облик отходящих в вечность героев мысли и научного служения, мы, биологи, особенно отчетливо осознаем наличие двух методов решения этой задачи.

Совершенно так же, как при изучении любой проблемы морфологии, так и при изучении большой и многогранной личности мы можем поступать двояким образом: и как историки, и как натуралисты.

Как естествоиспытатели, мы делаем упор на уяснение тех личных данных, тех талантов и дарований, которые способны были обеспечить жизненный успех и широту признания человека.

Как историки, мы вынуждены подойти к исходным, временным и местным обстоятельствам, к условиям формирования данной личности, для уяснения ее генезиса и развития на фоне специфичной, исторически-неповторимой конъюнктуры окружающей среды.

Следуя порядку, освященному историей нашей науки, начинаем, как натуралисты, с выяснения тех общих свойств покойного, которые в такой высокой степени определяли весь его духовный склад, его успехи и влияние на окружающих.

Это влияние огромно. Не входя в оценку роли и значения Мензбира, как члена, а впоследствии главы московской профессуры, ограничимся указанием на отношение к нему тогдашнего студенчества.

Можно уверенно сказать, что на исходе прошлого столетия, как и в начале нынешнего, не было в Московском университете имени более влиятельного, чем имя Мензбира, и это несмотря на то, что слово «популярность» как-то не вязалось с этим именем. Оно не шло к нему. В отличие от многих представителей тогдашней либеральной профессуры, Мензбир никогда не экспонировал себя ни на общественных банкетах, ни на университетских актах, ни в тогдашней либеральной прессе, ни в общении со студенчеством. И тем не менее среди последнего влияние Мензбира было огромно. «Выступает Мензбир» — пронеслось шёпотом среди студентов, собиравшихся на диспуты в университетских аудиториях. «Что скажет Мензбир?» — спрашивали молодые голоса, на улицах и в университете в дни студенческих «волнений». Но и за стенами университета, за пределами Москвы, о Мензбуре всегда упоминали с уважением и гордостью. Припоминается, как в давние студенческие годы, проезжая по глухому тракту Западной Сибири, познакомившись случайно с местным податным инспектором, бывшим естественником по образованию, я прежде всего должен был ему ответить на вопрос о Мензбуре, как о профессоре, оставившем самую яркую и длительную память о себе...

Где же причины этого громадного влияния Мензбира далеко за пределами Москвы и за пределами зоологов? В чем тайна этого всеподчиняющего обаяния его имени? Где, в чем таилась главная разгадка это уникальной личности?

В научных ли заслугах Мензбира как орнитолога, анатома, зоогеографа? Однако, в разбираемую пору именно в Московском университете и в составе физико-математического факультета были имена, как Лебедев, Столетов, Умов, не менее известные, но и отдаленно не имевшие влияния Мензбира.

Может быть, это влияние Мензбира лежало в его роли популяризатора орнитологии и дарвинизма? Но и здесь у Мензбира имелись видные соперники: профессора Модест Богданов и Д. Кайгородов. Эти последние по живости, доступности, картинности и красочности описаний мало уступали Мензбуре, не говоря уже о Тимирязеве, как мастере научной популяризации и лидере воинствующего дарвинизма.

Может быть значение Мензбира определялось широтой его образования, ценнейшим сочетанием естественно-научных и гуманитарных знаний, широтой его культурного диапазона, явственно сквозившего и в разговоре, и в его печатных трудах, и на его лекциях?

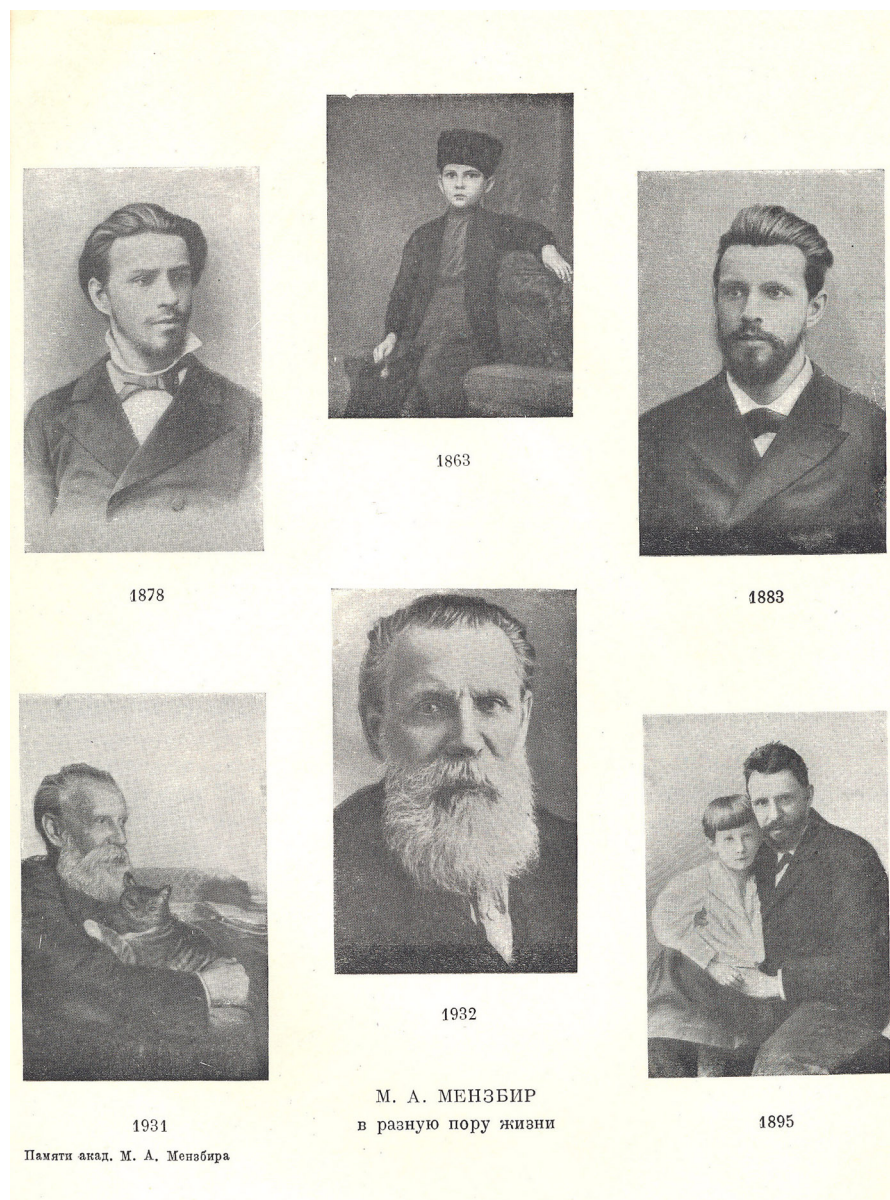
Однако, не говоря уже о ряде выдающихся ученых полифагов знания на смежных факультетах, в разбираемую пору именно в составе физико-математического факультета числились такие имена, как Тимирязев и Вернадский.

Но, быть может, привлекала к Мензбуре присущая ему четкость мысли и литературность речи с кафедры и в книге? Но и здесь покойный не стоял особняком, имея столь почтенных для себя соперников, как мастера письменного слова Тимирязева и художника выразительного чтения Ключевского.

Но, однако, если так, если не в Мензбире-ученом и не в Мензбире-учителе, не в Мензбире-научном популяризаторе, не в блеске его мысли и не в блеске слова заключалась главная причина беспримерного его влияния на окружающих, то в чем же, где искать причину этого влияния? Ответим коротко: *оно таилось в Мензбире как человеке.*

В ярко одаренной индивидуальности, в счастливом сочетании большого самобытного ума, большой и властной воли и большого чувства, неспособного к моральным компромиссам, в этой сильной, цельной и эмоционально насыщенной личности таилась главная разгадка выдающихся успехов и немалых огорчений Мензбира, им встреченных на его долгом жизненном пути.

Таблица 1. М. А. Мензбир в разную пору жизни

1878, 1863, 1883, 1931, 1932, 1895

«О Мензбире как человеке» — тема, представляющая исключительные трудности в двояком отношении.

Первая трудность — многогранность этой яркой одаренной личности. Как при рассматривании кристалла нелегко бывает уловить грани, дающие наибольший блеск, так и в богатой многогранной личности бывает трудно уловить ее психические доминанты: изолировать главнейшие и «тон дающие» черты большого цельного характера.

Но и помимо этой трудности, знакомой всякому биографу, имеется еще другая, специфичная для Мензбира.

Подобно многим сильным волевым натурам, Мензбир свою внутреннюю жизнь изживал как бы в духовной крепости, подъемный мост к которой был для всех не близко родственных за правило приподнят. Только изредка этот духовный мостик опускался и для посторонних, и то лишь на короткий срок.

Эти затруднения да послужат оправданием отрывочности и неполноты последующих слов.

Четыре свойства Мензбира определяли прежде всего весь его духовный склад, его духовно-нравственную личность: строгое вдумчивое отношение к жизни, цельность, верность самому себе и самобытность.

Вдумчивое отношение к жизни, то, что хорошо передается словом «Lebensernst» и что Гёте еще лучше выразил словами о себе: «Des Lebensernstes Fühlen», что по-русски лишь условно можно передать, как «пафос жизни» — строгое, ответственное отношение к жизни и призванию.

Эта строгость мысли означает строгость к жизни только для природы целостной и гармоничной, а такую именно и был покойный. Между Мензбиром-человеком и Мензбиром-ученым не было разлада: внешние антинаучные соображения так же бессильны были повлиять на Мензбира-ученого, как внешние блага на Мензбира как человека в отношениях его к себе и к людям.

Эта верность самому себе невольно примиряла с Мензбиром и тех, которые, не разделяя его взглядов и оспаривая их, сходились в положительной оценке Мензбира, как неподкупного и убежденнейшего человека, всюду и всегда умевшего быть верным самому себе.

И, наконец, последняя черта, извне особенного и наиболее заметная — мензбировская «самобытность», проявлявшаяся и в научных его взглядах и в обычной, будничной, повседневной жизни.

Характернейшей чертой Мензбира была присущая ему внушительность: умение включаться всею личностью в любое дело и любое слово. Делать «что-нибудь», «попутно» и «слегка», «ронять» слова случайно, мимоходом — было совершенно не в его натуре. В каждом слове Мензбира, за каждым из его поступков, чувствовался весь напор, вся убежденность сложной волевой природы.

Внешне это выражалось в скупости и взвешенности слов, в отточенности выражений, внутренне — в ответственности каждой мысли, в избегании так называемых общих мест, ходячих, трафаретных, «взятых напрокат» словечек или выражений.

Эти свойства мысли, слов и поступков сказывались и на лекциях, и в книгах, и в особенности в разговорах.

Лапидарность слога, лаконичность мыслей мензбировских лекций делали их совершенно непохожими на «легкий стиль» общедоступных популярных чтений. Требуя от аудитории большого напряженного внимания, лекции Мензбира казались даже трудными для некоторой части аудитории. Зато и забывались они не легко. Манера Мензбира эмоционально вживаться всею своей личностью в каждое произносимое им слово придавало вес всему, что говорилось им, каждому тезису, каждому термину, и это несмотря на полное отсутствие у Мензбира так называемых ораторских приемов: оживленной мимики, жестикуляции или модуляций голоса. Спокойно и размеренно, почти не повышая голоса, чеканил Мензбир элементы своей речи, как умелый, опытный художник четко и уверенно кладет мазки на холст, слагая их в продуманную наперед картину.

Эта специфичность мензбировской речи, ускользавшая в печати, ярче всего сказывалась при разговоре в коротких и порою самых беглых репликах в повседневной жизни. Каждое свое суждение Мензбир высказывал по-своему, «по-мензбировски», веско и внушительно, с особым — мензбировским — стилем.

«Уберите ваших богов, а то они загремят вместе с моими птицами», — так обратился Мензбир некогда к профессору Анучину, своему бывшему соседу по грозившему обвалом дому, в верхнем этаже которого увесистые «каменные бабы» заставляли опасаться за сохранность потолка и мензбировских птиц.

Но столь же самобытны, как манера чеканить слова и мысли, были и другие навыки и установки Мензбира.

В противовес господствовавшей в ту пору моде пользоваться на лекциях готовыми таблицами, диапозитивами и препаратами или цветными мелками Мензбир решительно отказывался и от таблиц, и от экрана. Он лишь неохотно пользовался препаратами и ограничивался только белым мелом при своих рисун-

ках на доске. И справедливость требует сказать, что эти белые наброски в совершенстве выполняли свою роль: скупые как и слова, их поясняющие, эти мастерские схематические абрисы служили подтверждением основных пропедевтических принципов Мензбира: стремиться к максимальному эффекту при простейших средствах.

И действительно, противник фразы Мензбир в еще большей мере был противником позы.

Поразительна была его нетребовательность, простота во всем, касавшемся его наружности. Традиционный и не первой свежести домашний пиджачек, из года в год знакомый его слушателям, слишком явственно дисгармонировал с казенным фраком, облакавшим фигуры большинства тогдашней профессуры. И действительно, вообразить фигуру Мензбира во фраке с бронзовыми пуговицами и в орденах — казалось нам, студентам, величайшей нелепостью. И то, что не замечалось нами в отношении других профессоров, — порой известных либеральничавших звездоносцев, того мы никогда бы не простили Мензбиру, всем своим видом — скромным, но внушительным — контрастно выделявшемуся на казенном синефрачном фоне большинства его тогдашних сослуживцев по университету.

Все мы чувствовали, что за игнорированием формы царского чиновника таилось величайшее пренебрежение к стоявшему за ней режиму. Вся наружность Мензбира как будто говорила: не благодаря, но вопреки режиму я пытаюсь выполнять свое служение профессора и ученого. Не трудно было наперед сказать, как выживет эта властная и самобытная натура при малейшем обострении такого неустойчивого состояния. Разгон московской профессуры министерством Кассо привел к развязке эту скрытую борьбу неравных сил — царизма и царившего в своей науке ученого.

Переходим к самому ответственному пункту, — к попытке осветить характер Мензбира при обращении его с учениками.

Большинство последних и, конечно, всего прежде молодые зоологи-фаунисты не выращивались заново в стенах Сравнительноанатомического института Мензбира: они сами еще на гимназической скамье искали Мензбира. Но именно к таким, совсем неоперившимся в орнитологии юнцам, Мензбир обычно был особенно отзывчив и внимателен и к этой именно поро первого робкого стучания в двери Мензбира относятся самые лучшие воспоминания его учеников.

Едва оставив отроческий возраст, робко и застенчиво переступал такой юнец порог мензбирского кабинета, и не скоро исчезала эта робость, несмотря на явные старания Мензбира занять такого молодого гостя. Помнится, как в этих случаях, достав из своей личной богатейшей библиотеки тяжелые фолианты Гульда и показывая их великолепные таблицы, Мензбир по отечески старался применить к молодому посетителю: «Смотрите: совы белые сидят и смотрят, как медведь полярный расправляется с тюленем».

С умилением также вспоминается, как благодушно Мензбир выговаривал порой своему гостю-гимназисту, привыкшему вытягиваться «в струнку» перед гимназическим начальством и не решавшемуся сидеть разговаривать с «профессором», как сам этот профессор должен был усевещивать молодого гостя: «Да сидите же! Как Вам не стыдно! Вы же не в гимназии!».

Но замечательно, что так непринужденно-просто Мензбир вел себя лишь с энтузиастами-подростками и что позднее, на студенческой скамье, мы уже не встречали у него этой простоты.

В университетских стенах отношение Мензбира к студенчеству было совсем иным, и справедливо было сказано, что Мензбир словно преднамеренно старался делать все обратное тому, что делали профессора, стремившиеся к популярности: ни либеральных ни к чему не обязывавших речей, ни расточаемых рукопожатий и отдельных оттисков своих работ, ни тени послаблений на экзаменах. Короткий, на ходу, кивок в начале лекции, такое же — при уходе, часто даже без кивка, полнейший индифферентизм, даже видимая неприязнь («я — не балерина») к внешним знакам одобрения, рукоплесканиям, нередко вырывавшимся у аудитории. И тем не менее студенчество тянулось к Мензбиру и сторонилось падких к популярности профессоров, заигрывавших со студентами.

И то же сдержанное обращение Мензбира с работавшими на сравнительноанатомические темы в институте. Голая, сухая деловитость. Подойдет своей развалистой походкой, глянет в микроскоп, обменяется короткой репликой и медленно, в развалку, переходит к следующему. И тем не менее, добиться места для работы в институте Мензбира считалось величайшей честью; быть оставленным у Мензбира для приготовления к профессорскому званию — величайшим счастьем.

Это чувство гордости и счастья, порожденное сознанием, что ты оставлен был «у Мензбира», останется неизгладимым до заката дней большинства этих его избранных, — и это несмотря на возраставшую с годами внешнюю суровость их старого учителя.

Эта наружная суровость Мензбира, этот его обычно сумрачный и хмурый вид... скрывались ли за ними холодный ум и неотзывчивое сердце?

На вопросы эти многие, не знавшие Мензбира ближе, склонны были бы ответить положительно. И как жестоко бы они ошиблись! О душевном строе Мензбира свидетельствует прежде всего его чуткость в понимании природы. Именно она всецело обусловила научное призвание Мензбира, всегда умевшего вносить художественно-эстетические элементы в познавательные устремления. Не случайно, будучи десятки лет директором Сравнительноанатомического института, Мензбир прежде всего чувствовал себя зоологом: гармония форм и красок целого животного гораздо больше привлекала Мензбира, чем линии костей или узоры микротомных срезов.

Но и в отношении самих животных не случайно взоры Мензбира были прикованы к пернатым властелинам воздуха, — этим, по выражению Дарвина, быть может, самым эстетическим из всех животных.

Более того. Как орнитолог Мензбир не случайно так любовно отдавался целые полвека изучению соколиных птиц, в предельной форме сочетающих изящество и благородство красок, линий и движений. Перефразируя слова, когда-то сказанные о любовном отношении Дарвина к цветам, возможно было бы сказать и о влечении Мензбира к его любимым птицам: «Он питал полу-артистическую полу-зоологическую любовь к своим птицам... он осторожно дотрагивался до любимой шкурки... дитя могло бы выразить так свое простое удивление».

Среди животных, содержащихся в квартире Мензбира, особенной его любовью пользовались существа, издавна оклеветанные за их нрав, именно кошки. Враг фотографов, всегда бесцеремонно отсылавший от себя всех, пытавшихся его фотографировать, Мензбир покорно усаживался перед камерой, чтобы заснять вместе со своей Маруськой-кошкой. Именно последней, больше, чем настойчивым просьбам почитателей покойного, обязаны мы рядом фотографией Мензбира, рисующих его без тени столь обычной для него суровости.

Но как от важного, серьезного до смешного бывает часто только один шаг, так и обратно, за поступком, вызывающим только улыбку, может укрываться большое скорбное содержание.

За все мое, почти сорокалетнее, знакомство с Мензбиром одна особенность его характера и поведения повторно обращала на себя внимание. Каким образом создатель русской школы орнитологов и ее признанный руководитель, Мензбир, после первых личных «тульских» сборов никогда впоследствии не экскурсировал? Как объяснить, что, вырастив десятки полевых натуралистов, в том числе такого мастера, как академик Сушкина, Мензбир всю жизнь оставался кабинетным орнитологом?

Этот отказ самого Мензбира от пользования ружьем всего естественнее было бы объяснить, как и у Дарвина: ученому, всецело ушедшему в мир идей, — не до ружья...

Действительное объяснение в данном случае лежало глубже, будучи связано с одним конкретным эпизодом.

Сущность этого последнего осталась для меня неясной, общий смысл — совершенно очевиден. Речь идет о давней, происшедшей на глазах молодого Мензбира и, надо думать, при его участии, миниатюрной, крохотной трагедии с какой-то птичкой, раненной или убитой Мензбиром. И то, что в тысячах сердец, порой необычайно чутких — как Тургенева или Аксакова — проходило незаметно, вынудило Мензбира, этого сильного и волевого человека, всего менее склонного к сентиментальности, отбросить от себя ружье и никогда уж более к нему не возвращаться.

Переходим ко второй проблеме нашего биографического очерка, проблеме исторической, — о генезисе, об условиях формирования тех личных свойств, которые обеспечили столь яркий жизненный успех и беспримерное влияние Мензбира на окружающих.

Нелегкая для всякого биографа задача эта кажется особо трудной в данном случае, за почти полным отсутствием данных, относящихся к годам, столь важным для формирования личности: о детстве и об отрочестве Мензбира мы ничего не знаем и при том по следующим причинам.

Первая заключается в преклонном возрасте покойного, умершего почти восьмидесяти лет. Этот преклонный возраст заранее исключал использование устных свидетельств от лиц, знавших его в детстве. Его старые друзья и сверстники раньше его сошли со сцены жизни, а рассказы переживших Мензбира касались более поздних лет, протекших на виду у нас.

Но есть еще другое затруднение: исключительная скромность Мензбира, не допускавшая ни появления «Эккерманов», ни прижизненного составления автобиографических записок.

Таковы условия, которые могли бы привести в отчаяние биографа, если бы не горестное утешение от мысли, что и в богатейших автобиографиях великих корифеев знания (Дарвин, Гёте, Гексли) подлинны стимулы формирования личности остались неразгаданы.

Обратимся все же к тем немногим фактам, что сохранились в памяти семьи покойного.

Единственный в семье Мензбир родился в 1855 году, в г. Туле. Об отце покойного — юристе по образованию — известна только его слабость к картам, сильно подрывавшая хозяйственный уклад и благоденствие семьи.

Это — увы! — единственное, что осталось в памяти о Мензбире-отце, — страсть к картам — не только не наследовалась сыном, но дала совсем обратную реакцию: сильнейшее отвращения к картам, как к бессмысленнейшей форме времястреления.

Столь же отличны были характеры отца и сына также и в остальном.

Слабый, безвольный, бесхарактерный Мензбир-отец, женившись вторым браком, несмотря на состоятельность своей второй жены, не мог доставить сыну средств для среднего образования, и будущий большой ученый в бытность гимназистом вынужден был бегать по урокам и сколачивать гроши для платы за учение. Очень показательно, что когда много позже, по миновании тяжелых лет, по получении Мензбиром научного признания, мачеха пыталась примириться с пасынком и предлагала закрепить за дочерьми его свое значительное состояние, Мензбир отверг это предложение.

Можно уверенно сказать, что столь же неподкупным Мензбир был и в юности: граничавшая с жестокостью прямолинейность побуждала молодого ригориста уже в ту пору итти своей дорогой. Именно таким — настойчивым, упористым, порой строптивым — представляется нам юный Мензбир. Смуглый, несколько сутулый юноша со смелым взглядом острых и безбровых глаз: каждый «вершок» — боец, готовый постоять за свои взгляды и померяться с любым противником. «Хороший друг своих друзей, хороший враг своих врагов». «In puse», уже о ту пору, Мензбир на все сто процентов проявился, как прямолинейная и волевая властная натура.

Но не только люди, окружавшие Мензбира, — сама природа словно торопилась закалить его для предстоящих жизненных боев.

Мы разумеем вынужденное оставление Мензбиром гимназии из-за сыпного тифа, вынудившего его прервать учение, чтобы гораздо позже, по выздоровлении, готовиться экстерном к выпускным экзаменам. Только знакомые с уставом гимназий того времени способны оценить те трудности, которых стоило в то время выдержать экзамен зрелости экстерном. Дарования и воля молодого Мензбира сказались и на этот раз, и первый жизненный барьер, экзамен зрелости, преодолен успешно. Двери высшей школы распахнулись перед молодым адептом, и так искренно хотелось бы нам теперь мысленно последовать за ним в Московский университет. Желание невыполнимое... За приведенными немногими чертами ранней жизни Мензбира рассказ наш прерывается. О Мензбире-студенте и о Мензбире-кандидате не сохранилось устного предания. На время молодой боец скрывается из поля зрения биографа, чтобы по миновании немногих лет явиться на арене жизни, но уже вполне сложившимся ученым, интеллектуально целостно определившимся, с оружием готовым, закаленным и отточенным на всю последующую жизнь.

Поражает краткость времени формирования Мензбира-ученого. Студентом университета Мензбир стал, имея 19 лет. Шестью годами позже Мензбир уже занят магистерской диссертацией, — своей классической «Орнитологической географией России». К двадцати семи годам Мензбир становится магистром, к трид-

цати — доктором зоологии. За десять лет (1869 — 1890) из абитуриента Мензбира слагается авторитетнейший ученый.

Что именно произошло за эти десять лет — мы в точности не знаем. Хорошо известно только, что три имени, три замечательных натуралиста того времени имели несомненное влияние на молодого Мензбира: исследователь Туркестана Н. А. Северцов, искусствовед-философ и зоолог Усов и сравнительный анатом Борзенков. И, зная биографии и самые труды этих ученых, можно без труда отметить специфическое во влиянии каждого из них на молодого Мензбира.

Влияние первого могло оформить сферу основных научных интересов Мензбира как орнитолога. Влияние второго, безусловно отразилось в широте культурного диапазона Мензбира, осведомленности в литературе, философии, искусстве. Наконец, влияние третьего, по-видимому, обусловило в широкой степени чеканность слова, сжатость мысли, стиль, структуру мензбировских лекций. И, конечно, перелистывая первый капитальный труд Мензбира, его «Орнитологическую географию», мы чувствуем на страницах этой книги это тройное благотворное влияние трех упомянутых ученых. И, однако, как писанием научных диссертаций не исчерпывалась личность Мензбира, так же влиянием трех названных ученых невозможно объяснить особенностей Мензбира как человека и ученого.

Десятки молодых студентов проходили через орбиту личного влияния трех упомянутых ученых, но ассимилировал это влияние и претворил по-своему один лишь Мензбир.

Да к тому же настоящие зоологи-фаунисты стиля и диапазона Мензбира рождаются, слагаются до университета, а не фабрикуются в его стенах.

Где и когда формировался юный орнитолог Мензбир? Мы не знаем. Еще менее угадываем мы, под чьим влиянием формировалась личность Мензбира в это решающее для него десятилетие. Именно на эту пору приходится первая женитьба Мензбира на О. Запольской, женщине высокой умственной культуры, пионерке высшего образования для женщин и поборнице его. На то же время падает вхождение молодого Мензбира в «Шекспировский кружок», группировавший вокруг себя известных по Москве философов и литераторов. Примерно тогда же, при посредничестве Северцова, Мензбир познакомился с художником Мартыновым, уроки рисования которого давали Мензбиру возможность лично иллюстрировать свои труды. И вообще, во всем, чего только касалась эта даровитая натура, достигалось мастерство и совершенство. В этом отношении можно попутно сказать, что, будучи по преимуществу ученым кабинетным, Мензбир, тем не менее, по свидетельству домашних, с самых ранних лет был мастером в искусстве плавания и верховой езды.

Таким многообразно одаренным и вооруженным для арены жизни, Мензбир выступил в исходе третьей четверти минувшего столетия, готовым противостоять любому жизненному шквалу, удержаться в жизненном седле при всяких обстоятельствах.

Закованный в броню своих природных дарований, в самобытно лично выкованных им доспехах, им по своему отточенных, с поднятым забралом Мензбир появляется на жизненной арене.

Проходит полстолетия в борьбе за мысль, за науку, за культуру для родной страны, родного университета, и за эти долгие полвека Мензбир только дважды выпустил оружие из рук: в одиннадцатом году, когда теснимый царскими клеветами, он гневно бросил от себя оружие, и во второй, последний раз, когда покорно, навсегда он сдал оружие перед лицом непобедимой смерти, когда замерли уста, оцепенели руки, онемела мысль и только сердце старого борца немолчно продолжало биться целые три года, не сдаваясь до последнего мгновения...

Последнее слово.

Проезжая по центральной нашей университетской улице, помолодевшей, обновленной Моховой, между двумя красивейшими зданиями всей Москвы, старой и новой библиотекой имени Ленина, вы видите приземистую, но изящную в своей строгой простоте постройку: местную станцию метрополитена.

Эта постройка высится как раз на месте, частью даже при использовании старых стен бывшей квартиры Мензбира. Здесь, в этих стенах, три года тому назад постиг его жестокий роковой удар.

И проезжая вечером по этой залитой огнями улице и глядя на громадную сверкающую огненно-рубиновую букву «М», — двойное чувство гордости мне заливает душу: гордости за мою родину, так героически, так

совершенно овладевшую вершинами технического гения, и гордости за моего покойного учителя Михаила Александровича Мензбира, умевшего всегда быть верным самому себе в борьбе за жизнь, за науку, за достоинство ученого и человека.

Приложение А. Подготовка электронного издания

Посвящается дитя человека — Котс Рудольфу Александровичу

Редактор: Котс Надежда Рудольфовна
Организация: Котс Петр Рудольфович

2010

Опечатки, ошибки, исправления присылайте, пожалуйста, по адресу petya@kohts.ru